

Библиотека должна была стать его убежищем от ее раздражающего, незаметного присутствия (в конце концов, подумал он, если у нее есть специальная комната, зачем ей искать покоя в этом священном пространстве?), но почему-то, несмотря на то, что он вышел из зала первым, она сидела там, притаившись в самом лучшем углу, и читала то, что подозрительно напоминало книгу Магла. Неужели она не заметила, что нужно сдать эссе?

"Дирборн, не забудь, что позже мы должны проверить зелье. Я позволил этому простофиле Долгопупсу проверить его одному, так как добавлять было нечего, но сегодня нам нужно добавить пиявок". Он очаровательно улыбнулся, чтобы загладить вину за замечание о простофиле, и предложил ей пошутить.

"Конечно. Я закончил эссе, так что могу сделать его один, если вам нужно поработать?"

"Ничего страшного, я пойду с тобой. Мы должны выехать в девять тридцать". Как будто он позволил ей взять на себя ответственность.

"Я буду здесь".

Том заколебался. Ему хотелось узнать, какую книгу она читает, но от одной мысли о том, чтобы сидеть с ней в библиотеке, у него сводило живот. С другой стороны, ей не понравится его навязывание, а значит, он, по крайней мере, будет чувствовать себя менее взволнованным и неуправляемым.

"Я не против, если я присоединюсь к вам? Это лучший уголок для концентрации - дверь не слышно, а томики зелий закрывают часть inferнального шепота".

Ему понравилось выражение ее лица и напряжение в плечах, когда она перекладывала свою сумку. Там лежало ее эссе, и ему не терпелось его прочитать.

"Именно так. Присаживайтесь".

Он так и сделал.

Удивительно, насколько спокойнее он себя чувствовал, сидя рядом с ней. Возможно, потому, что он взял это взаимодействие под свой контроль, возможно, потому, что, когда она была в пределах досягаемости, он не задавался вопросом, чем она занимается, а возможно, потому, что она была очень хорошей библиотечной компанией. Она не вздыхала, не флиртowała и не ерзала, а просто спокойно читала. Примерно через двадцать минут приятной тишины он позволил себе бросить взгляд, чтобы посмотреть, что она читает, но название было слишком тусклым, отбрасываемым тенью лампы. Он вернулся к своему сочинению. Снова беспокойство.

Контролировать ее. Позже.

Наконец она подняла глаза от книги.

"Что ты думаешь о названии эссе? Честно говоря, оно было немного... ну, немного расплывчатым. Я не спал всю ночь, писал его, и, думаю, сослался почти на всех, на кого мог, но все же - какова цель человеческой Трансфигурации? В самом деле? В каком контексте?" - хмыкнула она.

Он аккуратно положил перо на стол.

"Конечно, цель человеческой Трансфигурации зависит от обстоятельств, но я думаю, что на самом деле она сводится к силе. Если вы компетентны в человеческой Трансфигурации, то, конечно, получаете власть - Дрехлер довольно хорошо обсуждает это в пятьдесят третьей главе".

"Ммм, да, но я думаю, что это тест. То, как мы ответим на этот вопрос, будет совершенно субъективным. И я просто знаю, что он расстроится, потому что я написал лишние три фута, а никто не хочет это отметить".

Лишние три фута. Он ненавидел их. Длиннее - не значит лучше, но все же. Три фута.

Она положила книгу в свой кожаный ранец, который издал подозрительный стучащий звук, и, порывшись в нем некоторое время, взяла свою палочку и направила ее в ранец. Казалось, она беззвучно вызвала чернильницу и перо, когда взяла в руки эссе.

"В прошлый раз он сказал, что если я превышу норму более чем на шесть сантиметров, то он снимет оценку".

"Я могу взглянуть, если хочешь?"

Она сделала паузу, как бы приходя в себя.

"Я уверена, что вы ужасно заняты своим сочинением".

"Дирборн, это не проблема". Он никогда этого не делал, но ему было так любопытно... "Вот, можете почитать мое, если хотите".

Они поменялись местами, и, пролистав его, он увидел, как хорошо он сделан, охватывая все необходимые моменты и даже больше, но она, очевидно, боялась выбрать аргумент и начать с ним бороться. Должен ли он помочь ей? Она могла бы его побить... но разве это имело бы значение, ведь он просто победил бы себя.

"Я не думаю, что это какой-то тест на личность. Я думаю, Дамблдор хочет, чтобы мы привели

достойные аргументы, поэтому тебе нужно сократить все это, это и это, и сделать эту часть более дидактичной".

"Я не могу все это сократить! И тебе действительно следовало бы прочитать Бринхаэра - вот, взгляни на мои записи (возвращается к ранцу, снова странное колдовство - что может быть в этой сумке?), чтобы хотя бы отбросить те пункты, которые он выдвигает против этой части..."

Очень скоро настало время отправляться в подземелья, и Том был растерян как никогда.

Он удовлетворил свое любопытство относительно ее академического уровня - она не была блестящей, просто основательной, но он не мог вспомнить, чтобы ему когда-либо нравилась интеллектуальная дискуссия с другим студентом. А она была... вызывающей. Она не боялась подвергать сомнению его идеи (хотя она призналась, что он пишет убедительно. Ему это понравилось).

Наслаждаться чужим обществом он тоже не привык.

Том молчал, пока она осторожно добавляла пиявок в зельеварение - между ними существовало негласное соглашение, что это зелье будет совершенным. Он наблюдал, как она наводит порядок, а затем садится, посылая в воздух шар мягкого золотистого света, чтобы тот завис над ее плечом.

"Я останусь и понаблюдаю немного. Я не устала, и все еще нестабильно".

"Я останусь. У меня сегодня нет обхода". Никто не возражал против того, чтобы староста уходил после комендантского часа, если уж на то пошло. Кроме того, он не собирался позволять ей получать дополнительные баллы за зельеварение только за то, что она сидела рядом с котлом.

Дирборн кивнул и достал свою загадочную книгу. Ему было интересно, скажет ли она ему, что это такое, если он спросит, и расскажет ли она ему о своем ранце. Но он не хотел спрашивать, он хотел узнать.

Он достал тщательно спрятанный текст по магии крови, который ему определенно не следовало читать, и устроился в кресле поудобнее. Она не подняла глаз, но он увидел, как ее губы скривились в непонятной полуулыбке, и тогда он сосредоточился на своей книге. Они просидели в молчании целый час, пока какой-то звук не заставил его поднять глаза. Она заснула, привалившись спиной к стене.

Ему хотелось вскрыть ее сознание и найти то, что вызывало у него желание расследовать, что вызывало его подозрения. В этот момент он обладал абсолютной властью над ней и беззвучно выпустил в нее заклинание, совсем легкое, чтобы углубить ее сон, пока он не разбудит ее.

Наконец он взял в руки трижды проклятую книгу. На первый взгляд это был "Потерянный рай" Джона Мильтона, и он сопротивлялся всему, что он мог в него бросить. Никаких секретов, это действительно была грязная поэма Маггл. Почему она читает эту ерунду? Он открыл книгу на первой странице и начал читать.

Мой приговор - открытая война; хитрости,

Я не хвастаюсь: пусть те.

Замышляют те, кому это нужно, или когда им это нужно, а не сейчас.

Ибо пока они сидят, замышляя, остальные будут,

Миллионы, что стоят в обнимку и с нетерпением ждут

Сигнала к восхождению, сидят здесь в ожидании,

Небесные беглецы, и для их обителища

Примут этот мрачный, позорный притон,

Тюрьму тирании, что правит.

По нашей вине? Нет, давайте лучше выберем,

Вооружившись адским пламенем и яростью, сразу же

Над высокими небесными башнями, чтобы пробить себе дорогу,

И превратить наши пытки в страшное оружие

Против мучителя.

Что ж, это было не совсем скучно. Он перелистал первую страницу, прежде чем решил скопировать ее. На досуге он пролистает ее и выяснит, почему она выбрала именно этот вариант. Затем он повернулся к таинственному ранцу и тихонько открыл его. Он оказался на удивление легким, хотя в остальном все выглядело нормально, пока он не засунул руку внутрь, и она так и осталась лежать.

Он вытащил руку и уставился на сумку. Внутри она была больше. Она наложила на него какое-то заклинание, которое сделало его огромным. Это не было большим секретом. Дальнейший осмотр ничего не выявил, только книги и различные обыденные предметы.

Он нахмурился, заменил ее вещи, вернулся в свое кресло и поднял сонный амулет.

"Дирборн. Дирборн, проснись. Мы должны вернуться в общежития".

"Что? Рон?" - пробормотала она хриплым от сна голосом и вскочила на ноги с Волшебной палочкой в руках. "Что случилось?"

Рон рассмеялся, в кои-то веки искренне.

"Ты задремала, примерно на минуту. Расслабься. Мы должны вернуться в дома. Уже поздно".

Она побледнела и смотрела на него со странным выражением, которое он не мог определить. Как будто она знала, что он только что рылся в ее вещах. Затем она повернулась, подхватила свои вещи и, пробормотав "Спокойной ночи, Риддл", резко вышла из комнаты.

Что бы ни позволяло ей расслабляться в библиотеке, в течение следующих нескольких дней она была на удивление тихой на уроках. Он был расстроен как никогда, но не приблизился к разгадке ее секретов. Ее безоговорочная реакция на засыпание только подтвердила его подозрения, что она не совсем такая, какой кажется, но любое расследование заводило в тупик.

"Отличная работа, Том. Твоя лучшая работа. Я не уверен, что полностью согласен с аргументами, но они были построены безупречно. Десять баллов Слизерину", - сказал Дамблдор и улыбнулся, вручая ему отмеченное эссе. Никогда прежде Дамблдор не ставил ему столько баллов ни с того ни с сего, и Том был одновременно поражен и крайне раздосадован.

Наконец-то старик признал его правоту, но во рту у него остался кислый привкус. Он выиграл не один. Даже ему не удалось избежать этого признания. Но когда он повернулся, чтобы не смотреть на Гермиону Дирборн, то поймал удивленную и довольную улыбку.

И Дамблдор дал ей всего пять баллов. Может, оно того стоило?

<http://tl.rulate.ru/book/114689/4476990>